

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОЛГА

Свобода в этическом смысле – достаточно многомерное понятие. Прежде всего, она предполагает *связанность* человека с определенным социумом, который создал и создает условия для его личностного становления, самоутверждения и самореализации. В случае совпадения личной моральной позиции человека и общественных нравственных предписаний, мы имеем дело с состоянием *признанности человека*, с уважением его личного достоинства. Однако это особое состояние свободы, как всеобщего признания морального достоинства личности, не может достигаться посредством конформизма, частичной или полной утраты человеком своего «я». Тогда это – мнимая свобода.

Если единство и целостность общества достигается благодаря бытующим в нем моральным представлениям, то есть основания определять моральную свободу как готовность человека разделять их со всеми его членами. Действительно, человек, так или иначе, их нарушающий, рано или поздно становится изгоем общества. Изгой же, по существу, есть несвободный человек, ибо свобода от социума в итоге может обернуться полным моральным опустошением, деградацией человеческого «я», отрекшегося от социальных связей и зависимостей.

Однако драматизм человеческой жизни заключается в том, что *социальность* и *моральность* человека далеко не всегда совпадают. Это особенно остро проявляется в кризисные моменты развития того или иного социума, когда привычные моральные нормы и ценности перестают должным образом выполнять свои регулятивные и императивные функции. В таких ситуациях, как правило, не большинство, а меньшинство, даже один человек, могут взять на себя задачу морального оздоровления общества в целом: и здесь мерилom их моральной свободы по отношению к обществу становится

готовность взять на себя миссию ниспровергателя моральной рутины, подавляющей свободное нравственное самоутверждение личности. Как правило, изначально эти люди или один человек становятся объектом жесточайшей критики и даже – изгоями или гонимыми, однако на совершенно иных основаниях, нежели ревнители анархической версии свободы. Тем не менее, в плане моральной свободы именно они, в конечном счете, оказываются свободными в полной мере, свободными в самом точном и высоком значении этого слова, нежели все их гонители и ниспровергатели. Таким образом, моральная свобода выступает здесь как своеобразный коррелят *правоты и истинности* позиции субъекта морального действия, рассмотренного с позиции исторической перспективы его поступков и поведения.

В этике ответственность – понятие «зеркального», отраженного типа. Его трудно анализировать самостоятельно, вне связи с понятием свободы. Здесь она представляет собой некое особое моральное качество личности, побуждающее ее совершать те или иные поступки и «отвечать» за них перед людьми, обществом и самим собой. В традиционном этическом понимании ответственный человек – это тот, который никогда никого не подводит, всегда четко исполняет свои профессиональные или человеческие обязанности и безукоризненно следует взятым на себя моральным обязательствам. В жизни ответственность связана с моральной надежностью человека и отчасти с его нравственным разумом, способностью предвидеть последствия самых разнообразных действий и обстоятельств, хороших или неблагоприятных.

Несмотря на внутреннюю соотнесенность ответственности с идеей долженствования, ответственность – это нечто, отличное от долга. По существу, долг выступает как некий стратегический резерв нравственности, который действует как раз тогда, когда исчерпаны все возможности ответственности. Долг – это совершение моральных поступков тогда, когда уже не «работают» чувства привязанности, любви, благодарности. Долг – это сухое и несколько холодное чувство, в нем нет теплоты и умиления, радости от совершения

благих деяний. Оно предполагает поведение, совершаемое «по необходимости», по гражданской, семейной, сыновней, родительской обязанности. Избегать его – предосудительно, а следовать ему с безукоризненной точностью зачастую крайне тяжело для человека именно вследствие принудительной природы долга, его ригоризма и непреклонности. В отличие от принудительности долга ответственность есть поведение не только добровольно моральное, но и исполненное положительными эмоциями, *ответной* доброжелательной готовностью осуществить *нечто*, продиктованное изначально положительными действиями человека или социума; и этот добровольный *ответ*, не сводимый ни к какой изначально формулируемой обязанности, действительно *свободен*, ибо в основаниях своих исходит из порыва, а не принуждения. В противоположность этому долг делает свободу человека несколько тяжеловатой, *ответственность* же, напротив, в каком-то смысле и *есть свобода* или, по крайней мере, неотделима от нее.

На наш взгляд, этический смысл категории ответственности выражает не просто мотивацию человека к моральным поступкам, но отражает именно диалоговую сущность нравственных отношений людей, их изначально и очень глубокую потребность *отвечать* друг другу и друг за друга как в общесоциальном, так и в собственно моральном аспектах: поступком, чувством и словом. Она вся держится на ответе добра на добро, а в некоторых пределах – добра и на зло. Это особый, очень сложный тип социальных связей, вытекающий из последствий существования добра в мире. С умалением добра в мире падает и деградирует именно ответственность, и в обществе неизбежно начинают возникать некие прорехи отношений и смыслов, составленные из действий безответственных людей, в чьих сердцах добро исчезает как в бездонном колодеце, не оставив ни душевного следа, ни нравственных переживаний. Холод и мрак, исходящие от таких людей, остужают и другие сердца, и когда общество становится тотально безответственным, оно стоит на краю гибели и, в конце концов, гибнет.

Удержать общество от распада может именно сознание долга, актуализирующееся у немногих людей, в особенности, наделенных властью, употребляемой ими именно на то, чтобы восстановить в обществе порядок и ответственность. Несмотря на известное сходство в поведении людей ответственного и императивно-ригористического складов, между ними все же существует весьма заметные этические различия. По существу, это разные антропологические типы, и любой наблюдательный человек это прекрасно понимает. Человек долга бывает суров, но никогда – мил и приятен. Ответственный же – как раз мил и приятен, на него можно положиться, на него можно рассчитывать. Человека долга опасаются и подозревают во всех тяжких, человека ответственности с радостью принимают где бы то ни было, потому что он ни в чем и никогда не подведет. В каком-то смысле наличие в обществе ответственного человека несколько расслабляет людей, и они охотно поступаются своей долей ответственности в его пользу, не принимая в расчет ни его житейских возможностей, ни уж тем более его законного права на какую-то необходимую частицу субъективной моральной независимости. Облегчая людей, человек ответственности создает вокруг себя атмосферу благожелательной участливости и радостной легкости бытия. В противоположность этому человек долга, напротив, служит как бы извечным укором людям, принуждающим их брать на себя дополнительные обязанности, и исполнять их, хотя бы и вопреки собственным склонностям. Однако, несмотря на позитивный эмоциональный компонент ответственности, она явно не может целиком базироваться на энтузиазме людей, который рано или поздно исчерпывается. Поэтому в социально-практическом плане и сама ответственность, и ее непосредственные носители должны опираться на общественное мнение, выделяющее и поддерживающее разного рода созидательные порывы и начинания. В этом смысле нуждающееся в общественном признании ответственность всегда публична и откровенна, и потому находится как бы «на поверхности» жизни, в то время как чувство долга

коренится гораздо глубже. По существу, оно уходит в онтологическую сферу, в духовную глубину морали, в «поддонный» инстинкт выживания и самосохранения человека, народа, нации. В этом смысле долг более иррационален, чем ответственность. Именно долг пробуждается в тех редких людях с необыкновенной витальной силой, появляющихся в переломные моменты истории и как бы призванных свыше изменить ход исторических событий, жизнь целой страны или судьбу отдельной нации. Возможно, через людей долга обычные люди в той или иной мере ощущают сверхлические ритмы истории, выражающиеся в трансцендентных повелениях, которые должны быть исполнены при любых обстоятельствах. В метафизическом плане долг есть специфическое проявление божественной любви к людям. Вследствие этого стремление Канта представить заповедь любви как заповедь долженствования не лишено некоторого смысла. Кант правильно определяет специфику морали, выделяя в качестве ее главного признака долженствование. Действительно, мораль как бы говорит человеку: ты должен творить добро, должен быть справедливым, честным, должен хранить свое человеческое достоинство, должен помогать старшим и младшим и т.д. Однако Кант глубоко ошибается, сводя долженствование исключительно к понятию и чувству долга. Долженствование и долг – далеко не одно и то же. Долженствование есть нормативно-императивная сторона морали, долг же – это понятие, отражающее особую форму моральной мотивации. Долженствование – императивно, долг – ригористичен. Долженствование есть сфера идеального бытия, ценностно и нормативно рекомендуемого поведения. Долг же, напротив, отражает сферу сущего, поступки и поведение людей, совершаемые вследствие осознания ими своих гражданских или иных обязанностей. Но долг никоим образом не тождественен обязанности. Обязанности – это то, что нужно делать. Долг – это сила, при помощи которой делается то, что нужно. Обязанности прописаны, долг же предписывает.

Итак, если образно представить себе долг как таковой, то это – ничто иное как холодный меч, сверкающий своими гранями на солнце, внушающий страх, уважение и трепет, зовущий и принуждающий к деяниям посредством своей повелительной и грозной силой. И коль скоро ответственный человек подобен факельщику, освещающему путь заблудшему путнику, то человек долга есть никто иной как «меченосец» (И.А. Ильин), грозно смотрящий на суровые реалии жизни и пытающийся упорядочить и организовать ее в соответствии с тем, что ему представляется важным и нужным.

Завершая анализ важнейших категорий этики с акцентом на их антропологическое содержание, мы считаем необходимым подчеркнуть, что человек долга, в противоположность человеку ответственности, не дорожит свободой, ибо в строгом смысле слова субъективно не очень любит эмпирического человека, хотя объективно в критических ситуациях служит и человеку, и любви. Однако, все же долг – это выхолощенная любовь, это, так сказать, ее рациональный остаток. Гегель писал по этому поводу: «Победа любви не означает подобно победе долга, что враги ее подчинены ее власти; победа любви означает, что вражда преодолена. Для любви уже своего рода оскорбление, когда ее предписывают, когда ей, живой, духу дают наименование»¹. В этом удивительном суждении верно схвачены достоинство и недостаток долга. Достоинство его в том, что через долг утверждается мораль. Недостаток же как раз в том, что утверждается *только мораль*, но мораль ниже любви, ниже Бога, Который посылает дождь на добрых и злых, побуждает солнцу светить всем – без моралистической селекции людей, на достойных и недостойных такого дара. Долг повелевает карать нравственно неблагонадежных людей. Любовь же прощает даже злодеев, если они обнаруживают готовность к исправлению.

Таким образом, в решении проблемы свободы, долга и ответственности этика, с одной стороны, опирается на антропологию, а, с другой – вплотную

¹ Гегель Г.В.Ф. Дух христианства и его судьба / Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. С. 142.

подступает к метафизике, где моральная свобода неизбежно граничит с духовной свободой, а моральный человек способен перерасти в праведника и святого.